

**На правах рукописи
УДК 32.001**

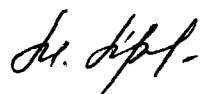
Арканникова Марина Сергеевна

**САМОЗВАНЧЕСТВО КАК ПРОЯВЛЕНИЕ КРИЗИСА ЛЕГИТИМНОСТИ
ВЛАСТИ В РОССИИ**

**Специальность: 23.00.02 – политические институты, этнополитическая
конфликтология, национальные и политические процессы и технологии**

**АВТОРЕФЕРАТ
диссертации на соискание ученой степени
кандидата политических наук**

**Санкт-Петербург
2005**

Работа выполнена на кафедре политологии гуманитарного факультета
Санкт-Петербургского государственного политехнического
университета

Научный руководитель: доктор социологических наук, профессор
Гнатюк Ольга Леонидовна

Официальные оппоненты: доктор политических наук, профессор
Ланцов Сергей Алексеевич

доктор политических наук, профессор
Милецкий Владимир Петрович

Ведущая организация: Санкт-Петербургский государственный
медицинский университет
имени академика И.П. Павлова
кафедра философии и политологии

Защита состоится 28 июня 2005 года в 15.00 часов на заседании
диссертационного совета Д 212.199.14 по защите диссертаций на соискание
ученой степени доктора политических наук при Российском государственном
педагогическом университете им. А.И. Герцена по адресу: 191186, г. Санкт-
Петербург, наб. реки Мойки, 48, корп. 20, ауд. _____.

С диссертацией можно ознакомиться в фундаментальной библиотеке Российского
государственного педагогического университета им. А.И. Герцена.

Автореферат разослан «27» мая 2005 г.

Ученый секретарь диссертационного совета
кандидат исторических наук, доцент

Л.К. Ермолаева

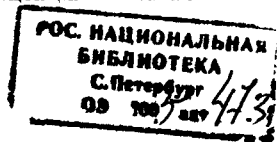
Общая характеристика работы

Актуальность темы исследования. Трансформация политической системы в России в конце XX века актуализировала проблему легитимации политической власти. Вопросы легитимности приобретают особую значимость и в условиях дисфункции современных политических институтов. Приоритетными становятся задачи переосмысления значения и места политической власти в новых экономических условиях, на этапе создания правового государства и становления гражданского общества. Очевидна необходимость поиска устойчивого и общепризнанного механизма взаимодействия субъектов и объектов политики. Однако со стороны властных структур не уделяется достаточное внимание проблемам легитимности нового государственного устройства. При разработке стратегии государственного реформирования практически не учитывается некоторое снижение легитимности политической власти, не прогнозируется социальная реакция на осуществляемую политику. Одним из ярких примеров подобного проявления как следствия кризиса легитимности власти в России является самозванчество, изучение которого позволит более целостно раскрыть сущность и особенности процессов делегитимации власти в российском обществе.

Появление первых фактов самозванчества в истории России явилось следствием политического кризиса на рубеже XVI-XVII вв. На протяжении всего Смутного времени политической элитой было предпринято немало попыток легализации и легитимации власти. Однако, достигалось только кратковременное политическое равновесие, за которым неизбежно следовали периоды дестабилизации и, как правило, новые проявления самозванчества, ставшие характерной составляющей российского политического процесса вплоть до конца XVIII века. В XIX и XX столетиях в российском обществе происходит заметный «спад» самозванчества, но, несмотря на это, характер проявлений самозванчества остается имманентным процессам делегитимации политической власти.

Социальные и политические изменения, произошедшие в России в 1990-х гг., привели к появлению не только новых политических ценностей, образцов политического поведения, но и стали причиной «возрождения» политического самозванчества. Так, в 1996 году в Богоявленском Соборе коронуется «император Николай III»; в 2002 году появляется новая претендентка на царское имя и статус – «Великая княжна Анастасия»; в 2003 году российские средства массовой информации сообщают о «сенсационном спасении» наследника Николая II – царевича Алексея. Данные факты получили наибольший резонанс в СМИ, однако, в этот период имели место и менее «громкие» примеры самозванства, в то время как в странах Западной Европы самозванчество не имеет своего проявления уже почти два века.

К сожалению, сущность и проявления самозванчества не получили в политологической литературе, равно как и в исторической, серьезного анализа: факты претендентства на царское имя и (или) статус не рассматриваются как целостное явление; отсутствует единая концепция понимания исследователями

данной политической практики. Будучи частью политической истории России на протяжении четырех веков, самозванчество требует более глубокого изучения в плане синтеза теоретико-методологических подходов в современной политической науке. Автором впервые предпринята попытка концептуального осмысления самозванчества как проявления кризиса легитимности власти в России с начала XVII по начало XXI вв.

Актуальность данного исследования обусловлена также отсутствием однозначного толкования изучаемого понятия в отечественной научной литературе, следствием чего важным является уточнение дефиниций «самозванство» и «самозванчество».

Степень научной разработанности темы Заявленная тема диссертационного исследования обусловила необходимость обращения к работам немецкого социолога М. Вебера,¹ его классической концепции «легитимного господства», которая стала методологической основой для понимания проблем легитимности власти и проявления ее делегитимации. Работы таких классиков зарубежной политической науки, как Д. Истона, С. Липсета, Ж.-Л. Шабо, Д. Хелда² и др. позволили автору сформировать теоретико-методологическую позицию в изучении процесса легитимации политической власти в России. Научное осмысление концепта «легитимность власти» дополнили работы отечественных ученых, проведенные в настоящее время в рамках исследований³

Необходимо отметить значимость исследований А.С. Ахиезера, В.А. Ачкасова, П.И. Смирнова, В.В. Бочарова, А.Г. Здравомыслова, Ю.С. Пивоварова, Н.И. Бирюкова, В.М. Сергеева, И.Б. Градинара,⁴ которые посвящены анализу

¹ Вебер М. Избранное. Образ общества. М., 1994. Он же. Избранные произведения. - М., 1990.

² Easton D. A Re-Assessment of the Concept of Political Support // British Journal of Political Science. - 1975. - № 5. Lipset S. Political Man: The social bases of politics. - Baltimore, 1981; Шабо Ж.-Л. Государственная власть: концептуальные пределы и порядок осуществления // Политические исследования. 1993. - № 3, Хелд Д. Политическая теория и современное государство. - М., 1989.

³ Азрутина Л.Г. Легитимация политической власти в России: анализ, проблема, приоритеты. Автореферат дис. канд. политических наук. 23.00.02. - М., 2001; Куринов С.А. Проблема легитимности политической власти в истории и теории политической науки. Автореферат дис. канд. политических наук. 23.00.01. - М., 2003; Синяев М.В. Политическая власть в коммуникативном измерении. Автореферат дис. канд. политических наук. 23.00.02. - М., 2002; Скиперских А.В. Легитимация политической власти в России в условиях становления и развития федеративных отношений: специфика и тенденции. Автореферат дис. канд. политических наук. 23.00.02. - Елец, 2003; Скорняков А.В. Проблема легитимации власти в средневековой европейской политической мысли. Запад и Русь. Автореферат дис. канд. политических наук. 23.00.01. - Екатеринбург, 2004.

⁴ Ахиезер А.С. Социо-культурные проблемы развития России. - М., 1992; Он же. Россия: критика исторического опыта. Социокультурный словарь. - М., 1991. - Т. 1, 2, 3; Он же. Архаизация в российском обществе как методологическая проблема // Журнал социологии и социальной антропологии. - 2001. - № 2; Ачкасов В.А. Россия как разрушающееся традиционное общество // Политические исследования. - 2001. - № 3; Смирнов П.И. Социология личности. - СПб., 2001; Он же. Слово о России. Беседы о российской цивилизации. - СПб., 2004; Бочаров В.В. Политическая антропология // Журнал социологии и социальной антропологии. - СПб., 2001. - Т. 4. - № 4; Здравомыслов А.Г. Социология конфликта: Россия на путях преодоления кризиса. - М., 1995; Пивоваров Ю.С. Политическая культура пореформенной России. - М., 1994; Пивоваров Ю.С., Фурсов А.И. «Русская система» как попытка понимания русской истории // Политические исследования. - 2001. - № 4; Бирюков Н.И., Сергеев В.М. Между дуализмом и соборностью. Интеграционная функция политической культуры // Общественные науки и современность. - 1998. - № 4; Градинар И.Б. Политическая культура: мировоззренческое измерение. В 2-х ч. - СПб., 1996.

характерных особенностей политической культуры российского общества и процесса политической модернизации в России.

Следует обратить внимание на исследования, которые позволили выявить особенности кризисных проявлений процесса легитимации политической власти в России. Среди них представляется важным назвать работы В.А. Ачкасова, С.М. Елисеева, С.А. Ланцова, Л.В. Сморунова, К.Ф. Завершинского, Т.А. Алексеевой, В.М. Зубка, А.А. Федосеева, А.М. Салмина.⁵

При осмыслении сущности самозванчества как социально-политического явления в истории России периода начала XVII - начала XXI вв. большое влияние на исследование оказали теоретические положения П. Бурдьё, Э. Гидденса, Д.П. Гавры, М.Б. Глотова, С.С. Фролова, Е.А. Здравомысловой, П. Штомпки.⁶ В этой связи представляют интерес работы, посвященные изучению политических институтов в России в контексте теории неинституционализма: П.В. Панова, В.Я. Гельмана, В.Д. Нечаева, А.Б. Даугавет и др.,⁷ т.к. данный подход оказал методологическую помощь в исследовании самозванчества как проявления кризиса легитимности власти.

Поскольку тема исследования представляет собой синтез политических и исторических наук, то, на наш взгляд, целесообразно более детально остановиться на степени научной разработанности темы. Обращаясь непосредственно к анализу научных исследований, так или иначе затрагивающих политическое самозванчество, автор выделяет два основных направления.

⁵ Ачкасов В.А., Елисеев С.М., Ланцов С.А. Легитимация власти в постсоциалистическом российском обществе - М., 1996; Елисеев С.М. Легитимность власти: источники, структура и динамика развития в посткоммунистическом обществе // Дис. доктора политических наук 23.00.01 - СПб., 1997; Ланцов С.А. Российский исторический опыт в свете концепций политической модернизации // Политические исследования - 2001 - № 3, Он же. Легальность и легитимность власти: дискуссия круглого стола // Вестник Московского университета - Серия 12 Социально-политические исследования - 1994 - № 2, Сморунов Л.В. Легитимность власти в федеративном государстве // Легитимность и легитимация власти в России - СПб., 1995 - С. 46-61; Завершинский К.Ф. Легитимность: генезис, становление и развитие концепта // Политические исследования - 2001 - № 2, Алексеева Г.А. Власть и легитимность // Власть. Философско-политологические аспекты - М., 1989 - С. 110-133, Она же. Личность и политика в переходный период: проблемы легитимности власти // Вопросы философии - 1998 - № 7, Зубок В.М. Истоки делегитимности советского режима // Политические исследования - 1994 - № 2, Салмин А.М. Легальность, легитимность и правопреемство как проблемы современной российской государственности // Полития: анализ, хроника, прогноз - 1998 - № 1, Федосеев А.А. Теоретико-методологические и практические проблемы легитимности власти // Вестник Санкт-Петербургского университета - Серия 6 - 1995 - Вып. 2 - № 13

⁶ Бурдьё П. Социология политики - М., 1993, Он же. Структуры, хабитус, практики // Современная социальная теория. Бурдьё, Гидденс, Хабермас - Новосибирск, 1989 - С. 16-31, Гидденс Э. Элементы теории структуризации // Там же. С. 40-72; Социальные институты: традиции и современность // Социология - М. 2001 - Гл. 6 - С. 125-147, Гавра Д.П. Понятие социального института // Социально-политический журнал - 1998 - № 4, Гловот М.Б. Социальный институт: определение, структура, классификация // Социологические исследования - 2003 - № 10, Фролов С.С. Социология - М., 1996, Здравомыслова Е.А. Парадигмы западной социологии общественных движений - СПб., 1993; Штомпка П. Социология социальных изменений - М., 1996, Он же. Структурирование общественных движений // Политология вчера и сегодня. - Вып. 4. - М., 1992 - С. 85-113

⁷ Панов П.В. Трансформации политических институтов в России: кросстемпоральный сравнительный анализ // Политические исследования - 2002 - № 6, Гельман В.Я. Институциональное строительство и неформальные институты в современной российской политике // Политические исследования - 2003 - № 4, Нечаев В.Д. Коэлитивные революции и институциональные изменения // Политические исследования - 2007 - № 5, Даугавет А.Б. Неформальные практики российской элиты // Политические исследования - 2003 - № 4

Первое направление можно обозначить как *социально-политическое*. В рамках данного направления самозванчество исследовалось, прежде всего, историками (А.П. Бажова, Е.Н. Индова, Н.Н. Покровский, А.А. Преображенский, К.В. Сивков, М.Н. Тихомиров, С.М. Троицкий, Н.Н. Фирсов) и изначально рассматривалось ими достаточно однозначно: в социальном плане это явление трактовалось как одна из форм «антифеодалного протеста», а в плане политическом представлялось борьбой за власть. Историографическая парадигма самозванчества формировалась в условиях идеологической и политической ситуации советского периода; она была своего рода «резервуаром» аргументов, формой идеологического обоснования легитимности политического режима большевиков, где «любые факты автоматически укладывались в жесткую классовую схему». Так, не учитывалось то, что некоторые самозванцы одновременно «назывались» и царским именем и Мессией, а также и то, что не все самозванцы получали социальную поддержку. Поскольку все эти обстоятельства большинством исследователей рассматриваются как составляющие элементы «феномена самозванчества» (без четкого разграничения политического и иных форм самозванчества), они явно не укладываются в рамки прежних теоретических представлений о самозванчестве и требуют нового обоснования проблемы.

Одними из первых, кто в своих исследованиях отметил взаимосвязь изменения легальных и легитимных норм преемственности власти, снижения эффективности политики и проявлений самозванчества, стали В.О. Ключевский, И.А. Ильин, Н.Я. Эйдедьман, К.В. Чистов⁷ и др.

В последнее десятилетие появляются публикации, в которых осуществляется попытка отойти от традиционного для советского периода осмысления самозванчества; в тоже время, проблема зачастую остается предметом не специального политологического анализа, а, скорее, публицистического и научно-популярного.⁸ Данные исследования, если и расширяют представления о социально-политических кризисах, обуславливающих самозванчество в XVII-XVIII вв., но не разъясняют причин этого явления в современной политической

⁷ См. Ключевский В.О. Курс русской истории //Сочинения в 9-ти т. - М., 1987, Ильин И.А. //См. Гнатюк О.Л. Русская политическая мысль начала XX века. Н.И. Кареев, П.Б. Струве, И.А. Ильин. - СПб., 1994. - С. 106-107, Эйдедьман Н.Я. Грань веков. Политическая борьба в России конца XVIII-начала XIX столетия //В борьбе за власть. Страницы полигической истории России XVIII век. - М., 1988. - С. 284-584, Чистов К.В. Русские народные социально-утопические легенды XVII-XVIII вв. - М., 1967. - С. 29

⁸ Андреев И. Анатомия самозванства //Наука и жизнь. - 1999. - № 10, Андреев И. Самозванчество и самозванцы на Руси //Знание-сила. - 1995. - № 8; Панасюк В.В. Самозванчество в России как культурно-исторический феномен //Образование и общество. - 2004. - № 1, Будницкий О. Царские деньги //Родина. - 2002. - № 9, Буйда Ю. Алхимия самозванства //Страна и мир. - 1992. - № 1, Васецкий Н.А. Самозванцы как явление русской жизни //Наука в России. - 1995. - № 3; Гужков Д. Смерть царевича Дмитрия //Родина. - 1993. - № 5-6; Либрович С.Ф. Царь или не царь? //Смена. - 1992. - № 12, Лихачев Д.С. Нельзя уйти от самих себя //Новый мир. - 1984. - № 6, Масарский М. Порядок и смута //Знания. - 1996. - № 5, Коваленко Г.М. Печальная выгода Смутных времен //Родина. - 1999. - № 4, Сахаров А.Н. Самозванчество //Родина. - 1993. - № 1, Шендерович А. Под чужим именем //Наука и жизнь. - 1995. - № 12, Соловьев В. Мы пели песнь топору //Родина. - 1992. - № 2, Малахов А. Самозванцы всея Руси //Власть. - 2003. - № 38 (443), отчасти к ним можно отнести работы, Тульчинского Г.Л. Самозванство. Феноменология зла и метафизика свободы. - СПб., 1996, Дорофеева В.В. Самозванцы: к истории появления слова. - Оренбург, 1994, Шестакова П. Самозванец: факты и размышления. - Ростов-на-Дону, 1990

истории России, «сужая» тем самым, хронологические рамки исследования. Исключение составляют результаты дискуссий философов и историков на семинаре «Самозванство и самозванцы на Руси: прошлое и настоящее» (1993 г.), а также политологов на Международной научно-теоретической конференции «Легитимность власти в России: история и современные проблемы» (1994 г.), представленные в виде тезисов, которые, однако, так и не стали фундаментальными исследованиями самозванчества как проявления делегитимации политической власти в России.⁹

Другое направление – условно – *социально-психологическое и культурологическое* – рассматривало самозванчество в России XVII-XVIII вв. в контексте концепций социальной психологии и определяло его как особый культурно-исторический феномен. Наибольший интерес представляют исследования А.И. Клибанова, А.С. Мыльников, Б.А. Успенского, В.М. Живова, В.М. Соловьева, К.В. Чистова, О.Г. Усенко, В.Я. Мауля, П.В. Лукина, которые позволили проанализировать взаимосвязь политических и социально-культурных предпосылок возникновения самозванчества в России этого периода.

Особо следует выделить работы В.И. Буганова, Н.М. Карамзина, В.О. Ключевского, Н.И. Костомарова, С.Ф. Платонова, Р.Г. Скрынникова, С.М. Соловьева, которые явились основой для изучения самозванчества и представляют научный интерес с точки зрения содержания подробных сведений о самозванцах XVII-XVIII вв. При этом, в отечественной литературе нет работ, где были бы обобщены все известные факты проявлений самозванчества с момента их появления в начале XVII века по настоящее время, что могло бы послужить иллюстрацией причинно-следственной связи процессов делегитимации власти и самозванчества в политической истории России.

Источниковую базу исследования составляют законодательные и актовые материалы, которые позволяют определить легальные установления государственной власти и проанализировать «отношение» собственно власти как к социально-политическому явлению самозванчества в целом, так и к отдельным самозванцам в частности; документы, исходящие от самозванцев («прелестные письма», манифесты и указы и др.); а также мемуарный и фольклорный материал.

Объектом исследования является самозванчество как феномен социально-политической жизни российского общества.

Предмет исследования – процессы делегитимации политической власти и их проявления в российском обществе на примере самозванчества.

Хронологические рамки исследования охватывают период с начала XVII по начало XXI вв.

⁹ См. Самозванство //Родина - 1993 - № 11 - С 7-12, Аннинский Л. Самозванство //Родина - 1993 - № 11 - С 13, Живова Г.Я. Кризисы легитимной власти в истории России //Легитимность власти в России: история и современные проблемы. Тезисы докладов Международной научно-теоретической конференции, Санкт-Петербург, 22-25 июня 1994 года - СПб, 1994 - С 74-75, См. также Ингерфлом К.С. Самозванство и коллективные представления о власти в русской истории (XVII-XX вв.) //Реализм исторического мышления. Проблемы отечественной истории периода феодализма - М., 1991 - С 99-100

Целью диссертационного исследования является всесторонний анализ особенностей возникновения и развития самозванчества как социально-политического явления в условиях кризиса легитимности власти в России.

Гипотеза исследования. Понимание политико-исторических и социокультурных основ самозванчества открывает новые возможности объяснения его своеобразия. Исследование проявлений самозванчества в их взаимосвязи с политической культурой дополняет целостное видение содержания процессов легитимации и делегитимации политической власти в российском обществе. В этом смысле политическое самозванчество в России представляет собой явление, которое раскрывает сущность процесса делегитимации политической власти и рассматривается как мотивированное политическое действие субъектов политики вследствие кризиса легитимности власти. Предполагается, что различные формы политического самозванчества и частота их проявления характеризуют неодинаковую степень делегитимации политической власти.

В качестве *основных задач*, соответствующих реализации поставленной цели и верификации гипотезы исследования, автор формулирует следующие:

1. Обобщить основные теоретические концепции легитимности политической власти, сопоставив их с российской практикой.
2. Рассмотреть сущность понятия «самозванчество», особенности его проявления на различных этапах развития российского политического процесса в контексте взаимовлияния процессов легитимации и делегитимации власти и политической культуры в российском обществе.
3. Уточнить понятия «самозванство», «самозванчество» и выявить характерные признаки этих явлений; раскрыть сущность политических притязаний самозванцев.
4. Уточнить особенности политической культуры российского общества в контексте изучения проявлений самозванчества.
5. Раскрыть политико-исторические и социально-культурные предпосылки возникновения самозванчества в российском обществе.
6. Разработать типологию политического самозванства.
7. Обобщить факты самозванного претендентства на верховную власть в политической истории России с начала XVII по начало XXI вв.
8. Осуществить целостный анализ предпосылок возникновения, особенностей развития самозванчества и его проявлений на различных этапах российского политического процесса, начиная с XVII века по настоящее время.
9. Раскрыть пути преодоления кризиса легитимности политической власти в российском обществе.
10. Обобщить и систематизировать научную литературу по проблеме самозванчества.

Теоретико-методологическая база исследования Основой диссертационного исследования являются концептуальные положения российских

и зарубежных ученых, специализирующихся на изучении политической власти и механизмов ее легитимации и делегитимации. Теоретико-методологическое значение имеют работы, в которых исследуются различные типы и условия легитимации власти: системная легитимность (М. Вебер, Р. Арон, П. Бурдьё, Д. Битхем, Д. Истон, Д. Хелд, Т. Парсонс); институциональная легитимность (Ж.-Л. Шабо, Н. Луман); анализ влияния социально-экономических, идеологических факторов и политической культуры на процесс легитимации власти определенных политических режимов (Г. Алмонд, С. Верба, С. Липсет, С. Хантингтон. И. Бергер, Т. Лукман, С.А. Ланцов, С.М. Елисеев, Ю. Гайда).

Существенный вклад в исследование внесли работы отечественных и зарубежных политологов, социологов, историков, которые позволили автору проанализировать различные формы проявления самозванчества и предпосылки его возникновения в политической истории России. Расширение границ теоретических исследований по проблеме самозванчества обусловили необходимость применения комплексного междисциплинарного и интегративного подходов.

В качестве методологической основы исследования рассматриваются следующие подходы политической науки:

- системный, который позволил рассмотреть причины возникновения и проявления самозванчества во взаимосвязи с делегитимацией политической власти, особенностями политической культуры и российского политического процесса;
- структурно-функциональный, позволивший рассмотреть предпосылки возникновения самозванчества в рамках функционирования политической системы;
- сравнительный и сравнительно-исторический, которые позволили выявить общее и особенное в проявлениях самозванчества на различных этапах развития российского политического процесса; осуществить компаративный анализ данного явления в российской и зарубежной практике;
- институциональный и неинституциональный, в рамках которых предпринята попытка выявления признаков политического самозванчества как социального института и как неформального политического института.

Научная новизна данного исследования определяется тем, что автор впервые в отечественной политологии осуществляет попытку целостного анализа сущности, предпосылок и типологии политического самозванчества в России как проявления кризиса легитимности политической власти. При этом:

1. На основе комплексного междисциплинарного подхода уточнены понятия «самозванство», «самозванчество»; выявлены их сущностные характеристики.
2. Впервые осуществлена попытка рассмотрения политического самозванчества в контексте институционального и неинституционального подходов.

3. Разработана типология самозваных претендентов на царское имя и (или) титул, применимая к анализу самозванчества в политической истории России и стран Зарубежной Европы.

4. Выявлена степень участия различных социальных групп в практике российского самозванчества; уточнено социальное происхождение самих самозванцев.

5. Рассмотрены проявления самозванчества как следствия процессов делегитимации политической власти в России (политические, исторические и социокультурные предпосылки, типология, факты, диаграмма) в хронологический период с начала XVII по начало XXI вв. с учетом сравнительного анализа традиционных (периода монархии) и современных форм самозванчества.

6. Впервые предпринята попытка выявления общего и особенного в проявлениях самозванчества в России и в странах Западной Европы.

7. На примере анализа самозванчества уточнены общие закономерности преодоления кризиса легитимности власти и выявлена специфика их проявления в российских условиях.

8. Обобщены имеющиеся научные исследования по проблемам самозванчества в России; показана актуальность использованных теоретико-методологических подходов в его изучении для современной политической и исторической наук.

Положения, выносимые на защиту:

1. Политический самозванец – это человек, который присваивает себе имя и (или) политический статус лица, непосредственно имеющего отношение либо потенциальную возможность осуществления верховной власти. Политическое самозванство рассматривается как сознательное стремление претендента принять имя и (или) титул верховного правителя, как индивидуально мотивированное действие, которое всегда ориентируется на внешнее признание-поддержку. Проявления политического самозванства – это критическое осмысление самозванцем нормативных границ политики, интерпретация им ситуации делегитимации власти как требующей определенных действий. Политическое самозванчество определяется как установившиеся отношения сотрудничества на добровольной основе между самозванцем и социальными группами, поддерживающими его притязания.

2. Анализ самозванчества в контексте концепций легитимности власти показал, что его появление в России объясняется традиционной легитимностью и харизматическим господством власти, которое присутствует в российском обществе, скорее, в форме персонализации власти. В России отмечаются «взаимодополняющие» легитимности: традиционная укрепляет структурную, харизматическую (персональную) и идеологическую; харизматическая, в свою очередь, влияет на структурную, идеологическую, традиционную; структурная на идеологическую и традиционную. Анализ российского опыта преодоления кризиса легитимности власти в период с начала XVII до конца XX вв.

демонстрирует взаимосвязь традиционных, харизматических и идеологических принципов легитимности власти как приоритетных – при неразвитости рациональных обоснований легитимности (технократической и демократической легитимности по Ж.-Л. Шабо).

3. Самозванчество в России не обладает устойчивой функциональной структурой и имеет лишь некоторые признаки неформального политического института. Характер проявления политического самозванчества в России демонстрирует признаки и черты, присущие протестным социально-политическим движениям, конечной стадией развития которых является стадия формализации

4. Самозванчество как проявление кризиса легитимности власти на различных этапах развития российского политического процесса обусловлено наличием и взаимосвязью как объективных, так и субъективных факторов. Объективными условиями существования самозванчества в России на протяжении четырех столетий является взаимовлияние как социально-политических причин (кризиса легитимности власти), так и особенностей политической культуры российского общества. Политическая мотивация самозванца во многом зависит от таких субъективных факторов, как личностные характеристики претендента, его способности и возможности превратить массы, недовольные властью, в активных членов протестного социального движения, а «диффузную» причину протеста – в «установление контрагента» движения и формулирование идеологии, оправдывающей предполагаемые коллективные действия, что более всего было характерно для типа самозванца-защитника.

5. С точки зрения социально-психологического анализа самозванчество периода монархии имело защитную (сохранения традиционных ценностей) и «терапевтическую» (выхода негативных эмоций) функции. С позиции же деятельностного подхода самозванчество выполняло как функцию аккумуляции интересов, настроений широких народных масс, создавая определенную политическую силу, сосредоточенную на решении конкретной политической задачи, так и функцию «социального контроля» за соблюдением политической властью норм легитимной политики. Самозванчество периода монархии выступало в целом в качестве «иммунного» регулятора политической системы российского общества.

6 В результате политической модернизации российского общества происходит закономерный процесс существенного снижения роли движений самозванчества. Принципиальная слабость современных проявлений самозванчества в отличие от движений самозванчества, имевших место в период монархии, объясняется его неразвитой структурированностью. Современные проявления самозванчества можно охарактеризовать как диффузный политический протест, поскольку они не обладают политическим потенциалом, не артикулированы и не опираются на сформировавшиеся интересы широких общественных масс.

7. Сравнительно долгое существование в политической истории России самозванцев (в сравнении со странами Западной Европы) является одной из национальных особенностей процесса политической модернизации.

Теоретическая значимость исследования заключается в системном и комплексном анализе самозванчества на основе междисциплинарного подхода. Теоретически обоснованы сущность, предпосылки возникновения и проявления политического самозванчества, а также их типология и роль на различных этапах развития российского политического процесса. В работе дополнено научное осмысление концепта «легитимность власти», что расширяет границы изучения особенностей процессов легитимации и делегитимации политической власти в России.

Практическая значимость определяется тем, что результаты исследования представляют собой научно-теоретическую основу для целостного понимания социально-политических явлений «самозванства» и «самозванчества» в истории России. Материалы исследования могут быть использованы в качестве методологической и фактологической базы для дальнейших научных разработок проблемы самозванчества, в преподавании политологии, истории, политической социологии, конфликтологии, при подготовке спецкурсов по проблемам политической психологии и политической культуры России

Апробация результатов исследования. Основные тезисы диссертации были отражены в докладах на межвузовской научной конференции «Формула России: центр и периферия» (15 декабря 2000 г., Санкт-Петербург) и 16-й Всероссийской научной конференции молодых ученых и студентов «Реформы в России и проблемы управления» (21-22 февраля 2001 г., Москва).

Диссертация обсуждена на заседании кафедры политологии гуманитарного факультета СПбГПУ 25 января 2005 года и рекомендована к защите.

Структура работы состоит из введения, двух глав, заключения, библиографии (390 наименований) и двух приложений. Объем диссертации составляет 220 страниц.

В приложениях диссертации на основе исторического материала обобщены факты проявлений самозванчества в России с начала XVII по начало XXI вв. Они представлены в виде таблицы с указанием года появления самозванца, его социального статуса, социальных групп, его поддерживающих, кратких сведений о деятельности самозванца; а также в виде диаграммы хронологии проявлений самозванчества в политической истории России.

Основное содержание работы

Во введении обосновывается актуальность темы, анализируется степень ее разработанности, формулируются цели и задачи исследования, определяются теоретические и методологические основы, научная новизна работы.

Первая глава «Сущность самозванчества и предпосылки его возникновения в России» посвящена политологическому анализу проблемы

политического самозванчества: его сущности и предпосылкам возникновения в России.

В первом параграфе «Самозванчество как объект политологического анализа» проанализированы основные концепции легитимности власти; раскрыто содержание понятий «легитимность», «легитимация», «делегитимация»; выявлены объективные политические причины кризиса легитимности власти; дается определение и различие понятий «самозванство» и «самозванчество», осуществляется анализ их сущности в контексте институционального и неинституционального подходов.

В диссертации легитимация политической власти рассматривается как сложный социально обусловленный процесс, который отражает признание потребности человека быть субъектом, а не только объектом политических действий. Легитимация власти не только служит основой для «встраивания» социальных субъектов политики в политическую систему, поскольку задает им определенные правила поведения, диктуемые признанием над собой власти политических институтов и носителей власти как легитимных, но и находится в тесной взаимосвязи и взаимообусловленности с субъектами политики в ситуации делегитимации власти. Отмечается, что в процессе легитимации власти проявляется важная функция (которая вытекает из теоретических построений П. Бергера и Т. Лукмана) социального конструирования модели легитимной политики. В условиях делегитимации власти становится очевидным мобилизация «общественного контроля» (в том числе в форме протестных социально-политических движений и новых лидеров с их претензиями на власть) за соблюдением политической властью норм «легитимного господства».

Анализ концепций легитимности власти показал, что для изучения процессов легитимации и делегитимации политической власти в России наиболее приемлемыми являются концепции М. Вебера, Д. Истона, Л. Хелда и Ж.-Л. Шабо.

Возникновение самозванчества в России в начале XVII века было обусловлено традиционным и харизматическим (персональным) типами легитимности власти. Легитимация политической власти в России периода монархии опиралась не столько на рациональные основы (по Веберу, легально-рациональный тип, по Истону — структурная легитимность), сколько отражала доминирование традиционных политических ценностей в политической культуре, представления о сакральности царской власти, что «фокусировало» утрату доверия непосредственно на носителя легитимности власти, а не на политическую систему в целом, что и подтверждают факты самозванчества

Основным принципом смыслового разграничения понятий «самозванства» и «самозванчества» является наличие факта социальной поддержки: «самозванство» определяется сугубо личными помыслами и рассматривается как социальное действие, «самозванчество» как социальное взаимодействие; тем самым, «самозванчество» включает два компонента, которые условно соответствуют стадиям: 1) самого «самозванства» и 2) «мобилизации» тех

социальных групп, которые будут вовлечены в реализацию политических действий самозванца. Представляется целесообразным рассматривать самозванство как подструктуру или «эмбриональную» форму самозванчества.

Самозванчество – это политическая инициатива субъектов политики, которая представляет собой попытку преодоления кризиса легитимности власти; это политическая позиция, которая имеет определенную политическую силу: действительную (массовую), или слабо выраженную (самозванство)

При осмыслении сущности политического самозванчества в контексте неинституционального подхода, в частности – исторического и нормативного направлений – формулируется вывод, что самозванчество в России имеет лишь некоторые признаки неформального политического института, а именно:

- самозванчество является одной из составляющих на различных этапах развития российского политического процесса в длительный период: с начала XVII по начало XXI вв. Основными чертами самозванчества являются: 1) добровольное сотрудничество, выступающее источником групповой социальной интеграции; 2) естественность возникновения в условиях кризиса легитимности власти, его имманентный характер проявления в процессах делегитимации власти; 3) периодическая повторяемость в контексте проявления «недовольства» подвластных по отношению к политической власти;

- самозванчество представляет собой повторяющиеся во времени нормативные образцы социальных связей, которые определяются как легитимные некоторыми субъектами политики, принимавшими участие в движениях самозванчества;

- самозванчество обладает регулятивным потенциалом в процессах легитимации и делегитимации политической власти, поскольку находится во взаимосвязи с политическими институтами и имеет определенную степень влияния на них в условиях кризиса легитимности власти, выступая в качестве «иллюстрации» делегитимной власти; степень такого влияния зависела от уровня социальной поддержки самозванца.

Предпосылками самозванчества выступают те же условия, которые находятся в основе неформальных институтов – традиции, обычаи, моральные и религиозные ценности, социокультурные предпочтения, определяющие политические или социально-экономические стимулы к определенному неформальному поведению. Согласно историческому направлению, совершенный раньше в историческом прошлом в целях изменения какого-то отдельного элемента политической системы или даже системы в целом неформальный выбор (самозванчество начала XVII века), оказывает глубокое воздействие как «наследие прошлого» на все последующие политические решения в данном контексте; традиционное самозванчество (периода монархии) продолжало оказывать влияние на акторов в «выборе» типа политического поведения вследствие кризиса легитимности власти в России постмонархического периода. С позиции нормативного неинституционализма потенциальные самозванцы и социальные

группы, их поддерживающие, обладали неким общим «знанием», которое включало их представления о «правильности» своего и чужого (носителя легитимности власти) поведения, а также осмыслением и обоснованием своей функции в процессе делегитимации власти.

Однако с точки зрения процесса институционализации самозванчество не является неформальным политическим институтом, поскольку традиционное самозванчество, и, тем более, современное самозванчество не оформились как неформальный институт в плане смыслообразующей группой деятельности, которая способна конструировать взаимодействие власти и подвластных, т.е. обладать устойчивой функциональной структурой политического института.

При этом отмечается, что исследование самозванчества как неформального института представляется затруднительным и в виду недостаточной теоретической разработанности неинституционального подхода в политической науке, вариативности определений и признаков политических институтов. На наш взгляд, объяснение влияния в политике различного рода «символов», «верований» и других культурных факторов, возможностью их воплощения в неформальных и формальных институтах, определяющих направленность процесса политической институционализации, подменяется понятием «политическая культура», и, таким образом, сталкивается с проблемой тавтологии, в связи с чем определение самозванчества как неформального института становится достаточно расплывчатым и недоступным верификации.

В диссертации подчеркивается, что характер проявления самозванчества в России вследствие кризиса легитимности власти демонстрирует признаки и черты, присущие протестным социально-политическим движениям. При анализе развития движений самозванчества с начала XVII до конца XX вв. сделан вывод, что движения самозванчества из стадии формализации (стадии организованности), «минуя» стадию институционализации, переходили в стадию распада движений. Несмотря на периодичность, повторяемость в течение длительного исторического периода самозванчество так и не завершилось институционализацией. Стадия формализации движения была конечной стадией развития самозванчества в целом, поскольку самозванчество так и не изменило сущности политической системы российского общества.

Во втором параграфе «Социально-исторические предпосылки возникновения самозванчества и особенности политической культуры российского общества» раскрываются особенности политической культуры в контексте процессов модернизации российского общества и их взаимосвязью с политическим самозванчеством, политические представления представителей основных субкультур «масс» и «элит», их интерпретация нормативной модели «легитимного порядка», а также их поведенческая «реакция» в условиях кризиса легитимности власти; исследована также взаимосвязь политико-исторических и социально-культурных предпосылок самозванчества в России.

Особенностями политической культуры российского общества в контексте изучения проявлений самозванчества являются такие, как: отсутствие в политической культуре «масс» и «элит» исторической традиции политического консенсуса; синкретическое и персонифицированное восприятие власти, обусловленное доминированием традиционных политических ценностей в политической культуре; сакрализация функций политической власти периода монархии; сохранение в современной политической культуре преемственности со многими чертами традиционализма, что обусловило возобновление самозванчества в России постмонархического периода; авторитарное начало, вылившееся в идею неограниченной «власти царя» на фоне пренебрежительного отношения институтов власти к потребностям народных масс; возвратно-поступательный характер модернизации, выраженный в повторяемости циклов реформ и контрреформ как способа разрешения социальных противоречий и др.

В контексте взаимовлияния процессов легитимации и делегитимации власти и политической культуры России периода монархии прослеживаются две взаимоподчиненные «смысловые оси» восприятия обществом легитимной власти в целом: 1) «вертикаль веры» («безусловного» авторитета носителя власти) и 2) «горизонталь доверия», когда авторитетом наделяются и иные участники политического процесса. В обстановке институциональной неэффективности и «ощущаемой» делегитимации власти это проявлялось в том, что от носителя власти не требовали эффективности в инструментальном смысле. Сакральный авторитет главы государства, исторически утвердившийся в «легальное» право, обусловили формирование в политической культуре двойственное представление о носителе власти, а именно – дифференциацию правителей на «истинных» и «ложных», что и способствовало возникновению самозванчества в различные периоды развития российского политического процесса.

Проявления самозванчества в России свидетельствуют о субъективных переживаниях широких народных масс по поводу нормативной стороны процессов легитимации и делегитимации власти. Кризис легитимности власти стимулирует представителей разных слоев общества и в период Смуты, и в XVIII, XIX, XX вв. к поиску «сценариев» политической стабилизации.

Гетерогенность российской политической культуры как в прошлом, так и в настоящем прослеживается и в проявлениях самозванчества. Разрыв между «верхами» и «низами» был особенно очевидным в моменты делегитимации власти: для рационально-правовой субкультуры элит была характерна выработка инновационных идей, а для традиционной субкультуры масс – возвращение к старым порядкам, традициям. Их различное политическое поведение в условиях кризиса легитимности власти объясняется как политическими представлениями народных масс, согласно которым «ложного», «подменного» царя необходимо заменить «истинным», «законным», в роли которого выступает самозванец, так и политическим сознанием элиты, для которого не была характерна «эмоциональная» протестная активность. На основе анализа исторических

источников делается вывод, что, несмотря на конфронтацию, критерии легитимности политической власти «масс» и «элит» в нравственно-оценочном аспекте политических «правил игры» носителя власти были созвучны.

Подчеркивается, что такая реакция народа – одно из нормативных средств защиты традиционных политических ценностей трансформирующихся «сверху», поскольку это – один из «механизмов» обеспечения существования традиционной политической культуры масс. Проявлением «протестной» политической культуры масс являются оскорбительные высказывания в адрес монарха, квалифицированные в российском законодательстве XVII-XIX вв. как «непригожие (непристойные) речи», анализ, которых показал, что приравненные к тяжчайшим государственным преступлениям «непригожие речи» выступают стержнем самозванчества в тот момент, когда феномен из своего эмбрионального состояния – самозванства – «рождается» в социальный протест. На фоне делегитимации власти «непригожие речи» «из уст» самозванца «резонируют» с представлениями и желаниями народа, способствуя, тем самым, «выходу» из ситуативного недовольства властью и возникновению социально-политического, иногда – массового протеста, и являются, по существу, важным показателем кризиса легитимности власти.

Возможность развития протестной активности и, в частности, движений самозванчества в России периода монархии определяется не только особенностями политической культуры российского общества, но и определенной степенью «закрытости» традиционной политической системы, ее неспособностью удовлетворять потребности основных социальных групп, интегрировать и реализовывать интересы различных политических сил.

Выделяются причины возникновения самозванчества, обусловленные кризисом легитимности политической власти. Это утрата носителем власти личного авторитета (харизматическая или персональная легитимность); нарушение (или трансформация) нормативных стандартов политического действия («политических правил игры») любым актором политики как «допустимых» в представлениях основных социальных групп; несоблюдение политическими акторами легальных норм властвования (осуществление государственных переворотов); смерть носителя власти – это условие характерно для периода монархии, и в этом случае делегитимация наступала только тогда, когда со смертью правителя преломлялась династическая линия престолонаследия (традиционная легитимность); снижение эффективного функционирования политических институтов (технократическая и структурная легитимности); снижение убежденности в правильности идейных ценностей развития общества (идеологическая легитимность). Существующая в политической жизни России практика государственных (дворцовых) переворотов (1725-1801), представляющая собой способ разрешения противоречий внутри политической элиты, являлась политической причиной возникновения самозванцев почти сто лет, поскольку «нарушала» основной критерий легитимности – династическое правопреемство.

Наряду с указанными политико-историческими причинами выделяются и такие социально-культурные предпосылки возникновения самозванчества, как: 1) сакральное восприятие верховной власти; 2) бытование в народной среде социально-утопических легенд о «возвращающихся царях-избавителях» и «подменных царях». Эти социально-культурные предпосылки возникают на рубеже XVI-XVII вв. и проявляются в политической культуре России на протяжении более трех столетий. Отмечено, что существующее со времен Древней Руси и проявляющееся в России в XVII веке игровое, карнавальное поведение в виде «игры в царя», выступает социокультурной «матрицей» («психологически стереотипным поведением») самозванчества.

Цикличное бытование с начала XVII по начало XIX вв. в России социально-утопических легенд отражает их прямую взаимосвязь с процессами делегитимации политической власти и проявлениями самозванчества. Исходным в формировании фабулы этих легенд является историческая (обстоятельства гибели легитимных наследников) и политическая (условия делегитимации власти) действительность, а также персонифицированное коллективное желание народных масс об идеальной верховной власти. Политическая интерпретация легенд синкретична: она дает возможность «объяснить» причину делегитимации власти и «возвратить» «легитимный порядок», проявляясь в самозванчестве. Будучи символической формой традиционной культуры, социально-утопические легенды непременно актуализировались народным сознанием в условиях делегитимации власти, выполняя роль одного из основных инструментов конструирования «самозванческой идеичности».

Во второй главе «Самозванчество на различных этапах развития **российского политического процесса**» рассмотрены примеры самозванчества в политической истории России с начала XVII по начало XXI вв.; изучены социально-политические и социально-культурные причины кризиса легитимности власти в России этого периода и показаны пути его преодоления.

В первом параграфе «**Типология самозванчества в политической истории России**» предпринята попытка выявления типологии самозванства и самозванчества; наиболее организованных и отчасти – долговременных движений самозванчества, что позволило одновременно установить периоды их социальной активности, уточнить состав социальной базы движений и роли самозванчества на различных этапах развития **российского политического процесса**, причины «пика» и «спада» самозванчества в целом; предпринята также попытка сравнительного анализа самозванчества в России и в странах Западной Европы.

При изучении политического самозванчества целесообразно, на наш взгляд, рассматривать три самозванческих типа: 1) самозванец-защитник; 2) самозванец-мошенник; 3) самозванец-марионетка.

Самозванец-защитник – заступник народа от произвола чиновников, изменивших «законному государю»; он руководствуется «деятельностью для другого». Мотив его самозванства – различные мирские «несправедливости»: его

действие направлено на установление традиционного социального порядка; его целью является привлечение внимания властей к решению конкретных социальных проблем и попытка вмешательства в процесс принятия политических решений. Как правило, этот тип самозванцев имел массовую социальную поддержку. Самозванец-мошенник – тот, кто преследует личную, в том числе материальную выгоду; это «деятельность для себя». Примеры подобного типа самозванства, в основном, редко получали поддержку (а тем более – массовую) и далее реализации индивидуальных замыслов не заходили и, таким образом, в движения самозванчества не перерастали. Самозванец-марионетка – это самозванец, выступающий в данной роли по чужой воле заинтересованных политических сил. Такой тип самозванства был менее всего распространен и соотносится едва ли не с единственным Лжедмитрием I. На практике эти типы могли сочетаться и взаимно дополнять друг друга, реализуясь в одном человеке.

В период монархии более «востребованным» и распространенным типом самозванца в народной среде являлся тип самозванца-защитника, и именно этот тип получил наибольшую социальную поддержку в XVII-XVIII вв. Что касается самозванцев постмонархического периода, то в целом их следует отнести к типу самозванцев-мошенников, поскольку ими не были четко заявлены политические цели, и многие из них преследовали цели материальной выгоды. Таким образом, в период монархии преобладали заинтересованные акторы политики (тип самозванца-защитника) – в отличие от современных самозванцев (тип самозванца-мошенника), которые всего-навсего «эксплуатировали» долговременно существующее в истории России протестное поведение политического самозванчества и монархическую идеологию.

Подчеркивается, что движения самозванчества относятся к типу протестных движений; их содержание определяется конфликтом интересов между социальными субъектами и политической властью, который носит преимущественно «охранительный» характер. Эта сущностная характеристика движений подчеркивает их сходство с оппозиционными движениями в обществе, а именно, движения самозванчества, как и движения оппозиции, объединяет общая «сигнально-нормативная» функция. Движения самозванчества – это коллективные усилия широких народных масс, направленные на блокирование возможных или искоренение уже происшедших социально-политических изменений. Участники этих движений не согласны с политикой, которая не учитывает их политические интересы и социально-экономические потребности, а также не согласны с методами и целями общественных преобразований.

Самозванчество периода монархии выступает как в качестве «посредника» структурных изменений политической системы России, так и проявляет стремление к реставрации традиционной политической системы. В постмонархический период самозванчество в целом имеет достаточно слабое влияние на политические процессы.

Среди самозванцев были выходцы из разных слоев населения: в период монархии самозванцами становились крестьяне, казаки, солдаты, беглые монахи, разжалованные офицеры, обедневшие дворяне, реже – иностранцы; в постмонархический период – это люди с высшим образованием, преподаватели и предприниматели. Социальный состав поддержки самозванцев периода монархии был самым широким: это тягловое сословие (крестьяне: частновладельческие и черносошные, монастырские, государственные; и посадские люди); работные, мастеровые и «служилые люди»; особую роль играло низшее духовенство и старообрядцы; наиболее активными участниками было казачество. В виду недостатка источников о социальной базе современного самозванчества можно предположить, что его состав определялся людьми, неудовлетворенными социально-экономическим положением, и имевших потребности в социальной и правовой защищенности.

Массовая поддержка самозванцев имела место только в XVII-XVIII вв., что свидетельствует о «включенности» широких народных масс в политический процесс легитимации. В XIX веке поддержка самозванцев в каждом случае насчитывала не более двух-трех десятков человек. В период монархии приоритетными идейно-политическими ориентациями движений самозванчества были политические требования проведения новой политики; социально-экономические потребности низших слоев населения; сословные интересы казачества; и менее распространенными в самозванчестве были религиозные требования, имевшие место по причине церковного раскола.

В XX веке отмечаются всего три относительно организованных движения самозванчества, воздействие которых на социально-экономическую и политическую жизнь страны весьма незначительно. Причем, в постмонархический период «самозванство» в целом так и не трансформировалось в стадию «самозванчества», а если движения и возникали, то были малочисленными, и по своему развитию оставались на стадии «беспокойства» или на стадии «возбуждения», что позволяет современное самозванчество охарактеризовать как диффузный политический протест.

Рубеж конца XVIII - середины XIX вв. становится «переломным» для самозванчества. Процесс «затухания» самозванчества в России в дальнейшем обусловлен отсутствием с 1801 по 1917 гг. фактов прерывания династической линии. Социокультурные предпосылки самозванчества, характерные для XVII-XVIII вв., с середины XIX века изменяются: происходит трансформация политического сознания от ценностных представлений о верховном правителе, характерных для массового сознания традиционного общества, к рациональным оценкам политики. В процессе политической модернизации снижается «структурирующий» потенциал движений самозванчества. Политическая позиция самозванца как «истинного» и «законного» царя уже не имеет такого воздействия на воззрения широких общественных масс, поскольку не рассматривается ими в качестве системообразующей ценности; «неконструктивный» характер движений

стал очевиден. Таким образом, в истории развития самозванчества отмечаются моменты «пика» и «спада» его проявлений, что отражено в приложениях к диссертационному исследованию.

Момент «разрыва» в истории современного самозванчества (в советский период) на такой хронологический отрезок, как шестьдесят лет (1928-1990 гг.), не следует считать исключением, подобные «пробелы» также имели место и в предшествующих эпохах: приблизительно двадцать лет в 1800-1820 гг. и около семидесяти пяти с периода 1840-х по 1920-е гг.. Причины, по которым самозванчество не проявлялось в эти периоды, обнаруживаются в том, что протестное поведение по отношению к делегитимной власти в условиях модернизации приобретало новые формы, отличные от XVII-XVIII вв. Распространенными формами протеста становятся митинги, демонстрации, забастовки, а также политический террор.

Особенность современного самозванчества по сравнению с периодом монархии проявляется в том, что: 1) трансформация российской политической системы и формирование новой политической культуры, обусловленные политическим выбором правящей элиты 80-90-х гг., внесли коррективы в процесс легитимации власти, в «стиль» управления политическими кризисами и в политические представления основной части населения о демократии, в условиях становления которой политическое самозванчество в России уже не имеет своей актуальности; 2) современное самозванчество не имеет четкой политической направленности и коллективных массовых протестных действий.

В результате проведенного сравнительного анализа самозванчества в России и в странах Западной Европы выделено общее и особенное в его проявлениях. Общее: обнаруживается некоторое сходство главных политических причин (кризиса легитимности власти) и социокультурных предпосылок (сакрального восприятия власти, что обусловило возможность корреляции «истинного» и «ложного» носителя власти, представлений о королевских знаках, бытований легенд о «возвращающемся герое» и короле-полководце). Как в отечественной, так и в западноевропейской политической практике можно обнаружить охарактеризованные самозванческие типы. Западноевропейские самозванцы так же, как и российские, имели уровень социальной поддержки, «пропорциональный» выражению в их «политических» программах интересов различных социальных групп.

Особенность проявлений самозванчества в странах Западной Европы в отличие от России обнаруживается в исчезновении самозванчества в западноевропейской политической практике еще в XVIII веке, что было обусловлено, прежде всего, изменением источника легитимности (приоритет ее легально-рациональных основ) и формированием преимущественно структурного (институционального) типа легитимности, основанного на доверии граждан к устройству государства и политической системе в целом. Это способствовало

исчезновению ресурсной базы для сакрального влияния на политику и изменению ценностных ориентаций восприятия власти в политической культуре.

Во втором параграфе «Общие закономерности преодоления кризиса легитимности власти и специфика их проявления в российских условиях» на основе исторического опыта России начала XVII - конца XX вв. проанализированы причины процессов делегитимации власти и рассмотрены пути их преодоления.

Преодоление кризиса легитимности власти возможно только посредством разрешения кризиса, предполагающего восстановление оснований легитимности, – в отличие от мер политического урегулирования, которые снижают остроту социальных проявлений, но к восстановлению легитимности власти так и не приводят. Устранение глубинных причин кризиса легитимности власти является общей закономерностью и единственно возможным путем преодоления делегитимации власти различных политических систем.

Преодоление кризиса легитимности власти сводится к минимуму проявлений политической нестабильности и определяется тремя основаниями: 1) стабильным и относительно эффективным функционированием политических институтов (в том числе – эволюционным характером институциональных трансформаций); 2) эффективным функционированием политической системы в целом; 3) относительно высокой степенью убежденности населения в том, что данная модель легитимации власти в наибольшей степени соответствует состоянию общества и интересам народа.

Выделяются периоды острых кризисов легитимности власти, сопровождающиеся проявлениями самозванчества и другими формами политического протеста.

Первый период кризиса легитимности власти – Смутное время и его преодоление – избрание Земским Собором (как одного из важнейших институтов легитимации в данный период) нового царя М. Романова. Преодоление кризиса было достигнуто путем «совмещения» традиции и рациональных оснований легитимности, т.е. путем разрешения кризиса. Кризис легитимности середины и конца XVII в. был обусловлен общественным недовольством проводимой политикой, снижением эффективности функционирования политической системы, нарастанием социально-политических конфликтов и идейного противостояния староверов официальной церкви. Его преодоление сводилось к урегулированию, а именно: 1) к ужесточению налогового законодательства; и 2) к насильственным методам подавления протестов.

Кризис легитимности власти в начале XVIII века был обусловлен, прежде всего, несоблюдением Петром I правил «политической игры», а также тем, что при выстраивании новой модели политики властью не учитывались базовые ценности большинства населения, сформированные в политической культуре России. При Петре I происходит трансформация традиционного обоснования легитимной власти: вводятся легальные нормы в порядок престолонаследия;

существенному изменению подвергается концепция божественного происхождения царской власти. И, поскольку широкие народные массы препятствовали установлению иной концепции политической власти, а, по сути – идеологической легитимации, то политика Петра сводилась преимущественно к силовым методам – расширению численности и функций аппарата принуждения.

В эпоху государственных переворотов политическая власть находилась в состоянии затяжного политического кризиса и постоянно нуждалась в выходе из кризисной ситуации. Преодоление кризиса сводилось к юридическому «закреплению произошедшей революции» и достигалось, главным образом, социально-политическим маневрированием и идеологическим обоснованием новой власти. Усиление социальной напряженности в I половине и в конце XIX века свидетельствует о снижении эффективного функционирования политических институтов; ущемлении и неадекватном удовлетворении потребностей основных социальных групп. Пути преодоления процессов делегитимации власти как в период правления Николая I, так и в правление Александра II и Александра III сводились к социально-политическому маневрированию и к силовым методам.

В период правления Николая II наряду с социально-политическими причинами кризиса легитимности власти к его предпосылкам следует отнести трансформацию традиционных ценностей в правосознании всего российского общества, которую совершила правовая реформа 1864 г. Политическая власть утратила сакральный статус, что, в конечном счете, привело не только к делегитимации политической власти, но и способствовало делегитимации политической системы в целом.

Нелегитимная власть большевиков первоначально в значительной степени опиралась на насилие, а в более поздний период был разработан «механизм самолегитимации»: создание культа личности вождя и установление новой идеологической легитимации, основанной во многом на традиционных источниках искусственным путем. Большевики, по существу, вновь актуализировали сакральность власти, гипертрофированную роль политических символов, ритуалов и их магические функции.

Общими причинами политических кризисов постсоветского периода выступили конфликт качественного расхождения в общественном мнении о стратегии реформирования государства, с одной стороны, с другой, неэффективность политической власти. Одновременно с этим, разрушение идеологических основ легитимности власти; блокирование в политической системе социально значимых интересов; развитие конфликта внутри правящей элиты; коррумпированность основных институтов государственной власти. В управлении кризисами постсоветского периода властью не было выработано четко сформулированных концепций и стратегий. Особенностью процесса легитимации власти постсоветского периода являются попытки перехода к приоритету рациональной (демократической) легитимности, которые, однако, не учитывали не

только особенности политической культуры, но и сложившиеся традиционные стереотипы восприятия власти массовым сознанием.

Преодоление делегитимации власти в России периода начала XVII - конца XX вв. достигалось преимущественно политическим урегулированием, временно снимающим дестабилизацию и дезинтеграцию общества; при этом не устранялись подлинные причины кризиса и конфронтация сторон, в связи с чем и наблюдался «всплеск» проявлений самозванчества. Урегулирование сводилось к таким общим закономерностям управления политическими кризисами, как политическое и социальное маневрирование, политическое манипулирование.

Постоянное наличие в процессе преодоления делегитимации власти силовых методов в сочетании с отсутствием в политической культуре России традиции политического консенсуса и разрешения кризиса отражает национальную особенность стратегии управления политическими кризисами в российском обществе. Отечественный опыт показал, что эффективность преодоления делегитимации власти в первую очередь зависит от соответствия модели организации легитимной власти особенностям и «доминантам» политической культуры общества.

При анализе политико-правовых методов преодоления процессов делегитимации власти в России периода монархии отмечается, что с периода правления Петра I в законодательных актах четко прослеживаются формулировки опасности для государства организованных социальных проявлений и постоянно, вплоть до начала XX века, в отношении преступлений против «государева чести», а именно – «самозванства», «самозванчества», высказываний «непригожих речей» и др. вводятся ужесточения наказаний. Это свидетельствует о стремлении власти усилить ответственность за политическое самозванчество, о нежелании и (или) неспособности власти выявить глубинные причины конфликта между управляемыми и управляющими, об игнорировании предпосылок назревания кризисной ситуации, о недостаточной степени правовых методов и способов регулирования кризиса легитимности власти.

Заключение

В заключении подведены итоги диссертационного исследования, сформулированы основные выводы, определены перспективы для дальнейших научных исследований в отношении проблем протестной активности, а также проблем, связанных с той ролью, которую играет в мотивационных процессах протестных движений, в том числе – самозванчестве – интерпретация норм «легитимного господства» власти, а также при изучении проблем самозванчества в странах Западной Европы (по сравнению с национальной спецификой его проявления).

Обосновывается вывод, что самозванчество в России в контексте его понимания как одного из проявлений кризиса легитимности власти необходимо исследовать лишь комплексно, т.е. с применением разных теоретико-

методологических подходов на «стыке» истории, политологии, социологии, психологии и культурологии. Политическое самозванчество не может рассматриваться в качестве отдельных исторических фактов, оно всегда представляет собой политически и культурно обусловленное явление.

Отмечается, что возобновление самозванчества в постмонархический период, и, в частности, в конце XX века, отражает наличие в политической культуре российского общества определенной степени «естественного консерватизма» (традиционализма) по отношению к осуществлению и функционированию верховной власти. Процесс посткоммунистической трансформации в России оказывает сильное влияние на трансформацию основных ценностей массового сознания населения; в то же время определенная часть населения испытывает потребности в государственном патернализме, о чем свидетельствуют «всплески» самозванчества в современной России. Кроме этого, факт непризнания церковью подлинности останков царской семьи Николая II, найденных под Екатеринбургом, более десятилетия был питательной «почвой» для появления новых самозванцев.

Примеры самозванчества в России демонстрируют, скорее, стремление широких слоев народных масс к интеграции в политическую систему (получить право «быть услышанными» властью), тогда как в странах Западной Европы самозванчество было, прежде всего, формой политической борьбы за власть, рациональным поведением в целях получения определенных политических результатов.

Список работ, опубликованных по теме диссертации:

1. Арканникова М.С. Самозванец, самозванство, самозванчество в России: новые аспекты изучения вопроса о власти //Формула России: центр и периферия: Материалы межвузовской научной конференции, Санкт-Петербург, 15 декабря 2000 г. - СПб.: Нестор, 2000. - 0,4 п.л.
2. Арканникова М.С. Монарх в России: образ царя в народном сознании (начало XVII – конец XVIII вв.) //Реформы в России и проблемы управления, 16-ая Всероссийская научная конференция молодых ученых и студентов, Москва, 21-22 февраля 2001 г. - М.: МГУУ, 2001. - 0,3 п.л.
3. Арканникова М.С. Феномен самозванчества в России и Западной Европе //Россия и Европа: на пути к единой формуле. Сб. научных трудов по материалам заседаний научного семинара «Историческая судьба России в XXI веке» в 1999-2001 гг. - СПб.: Нестор, 2001. - 0,3 п.л.
4. Арканникова М.С. Легитимность политической власти //Актуальные проблемы современной политической науки. Вып. 2. /Под ред. М.А. Василика. - СПб.: СПбГПУ, 2002. - 0,5 п.л.
5. Арканникова М.С. Категория легитимности как методологическая основа исследования политического процесса //Актуальные проблемы современной политической науки. Вып. 4. /Под ред. М.А. Василика. - СПб.: Нестор, 2004 - 0,3 п.л.

Лицензия ЛР №020593 от 07.08.97

Подписано в печать *24.05.2005*. Формат 60х84/16 Печать офсетная
Уч. печ. л. *175*. Тираж *100*. Заказ *290*.

Отпечатано с готового оригинал-макета, предоставленного автором,
в типографии Издательства Политехнического университета.
195251, Санкт-Петербург, Политехническая, 29.

№118 13

РНБ Русский фонд

2006-4
7356